

РОЛЬ СЛОВА КАК ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.А. Корниенко

*Томский политехнический университет, г. Томск
Научный руководитель: Кухта М.С., д.ф.н., профессор кафедры
автоматизации и роботизации в машиностроении ТПУ*

Вопрос о природе знаков, их смысле и значении, о свойствах знаков и отношениях между знаками, о природе знаков, организованных в язык, был интересен философии всегда, равно как и вопрос об универсальности знаков. По сути своей реальность справедливо может быть обозначена как «семиотический монстр», рожденный человеком говорящим. Именно язык образует тончайшую границу, с помощью которой «реальное» отделено от «нереального». Строгое придумывание термина «реальность» приводит к лингвосолипсизму и семиотическому определению, которое в формулировке В.Руднева звучит так: «Реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная система, что средние пользователи воспринимают ее как незнаковую» (Цит. по [1], с. 7). Утверждая, что по своей природе слово является знаком, мы тем самым утверждаем, что в процессе познания слово использовано как указание, обозначение, представитель действия, предмета, события. Знак в языке используется для того, чтобы приобрести, сохранить, преобразовать и транслировать информацию. Именно эта роль знака позволяет отвести знаку роль и значение интерсубъективного посредника, структур-медиатора в коммуникативном пространстве социального взаимодействия. Знак используется для замещения определенного объекта, определяющего значение знака. В проблемном поле семиотики значение интерпретировано как тот объект, который замещен, репрезентирован знаком. Для обозначения знаковой ситуации исследователями применен созданный Ч. Моррисом термин «семиозис». Речь идет о таких факторах, как сам знак, то, на что знак указывает (*referto*), наконец, в отношении семиозиса Ч. включено и то воздействие, в результате чего объект превращен для интерпретирующего в знак. Таким образом, в структуру семиозиса включены знаковое средство (знаконоситель, *signvehicle*), десигнат (*designatum*), интерпретанта (*interpretant*) – знак-значение-смысл. Ряд исследователей включают в цепь семиозиса и такой фактор, как интерпретатор (*interpretor*), «субъект семиозиса». Для обозначения «умопостижимой» сути знака при этом используется термин «означаемое»

(в философии стоиков «*semainomenon*» – «понимаемое», «подразумеваемое»), в то время как для обозначения чувственно воспринимаемой стороны знака введен термин «означающее» (в логике и философии Средних веков «*signans*»). Связь означаемого и означающего условна, конвенциональна, немотивирована. В процессе семиозиса между знаком и значением происходит формирование тех отношений, которые могут быть названы отношениями обозначения. При этом само отношение обозначения применительно к слову определено природой знака. Исходя из классификации, предложенной Ч.Пирсом уже в 1867 году, можно говорить о следующих типах знаков: знаки-индексы (*index*), иконические знаки (*icon*), знаки-символы (*symbol*). Их специфика заключена в следующем: в основу знаков-индексов положена причинно-следственная связь знака и обозначенного посредством этого знака объекта; индекс – следствие определенной причины, «естественный» знак причины; знаки-иконы основаны на некотором сходстве с обозначаемым; что касается символов, в основу их возникновения положен принцип условности, эти знаки – результат соглашения интерпретирующих (хотя история культуры сохранила такой термин, как «*symbolon*», используемый для обозначения частей разбитой плитки). Совпадение границ расколота плитки являлось тайным знаком лишь для посвященных. Символон играл роль того условного знака, о котором ранее договаривалось сообщество. В этой ситуации знак становится символом по причине связи знака и значения. Можно говорить о таких уровнях значения для знаков, как уровень предметный (знаком объект обозначен), уровень смысловой (знак формирует образ того объекта, к которому знак применен); наконец, уровень экспрессивный (знаком выражены эмоции того, кем знак применен). В естественной теории происхождения языков (Платон, стоики) доминирует тезис: языковые знаки имеют соответствующую природе объектов форму («истинный язык», «истинные имена» созданы богами, способными постичь природу вещи и обозначить ее в имени).

Одним из первых сумел увидеть знаковую природу языка Аристотель. В фрагменте «Об истолковании» он пишет: «то, что в звуке – символы состояний, которые в душе». В.В. Библихиным отмечена деталь, – термин «символон», примененный Аристотелем, не приобрел в обозначенной фразе «развитого» и «содержательного» философского значения, этот термин использован в смысле «знак». Иногда этот фрагмент представлен в переводе следующим образом: «Итак, то, что в звукосочетаниях, это знаки представлений в душе». Хотя, как отмечает В.В. Библихин, «мало помогло бы и объяснение, что символ у Аристотеля неподобен символизируемому, неполон без него и только вместе

с ним составляет целое. Потребовалось бы сказать, что целое здесь не сумма частей, а «то, ради чего» и каждой части в отдельности, и их соединения. Ради целого как цели «то, что в звуке» и движение души ищут друг друга. «То, что в звуке» не «звукосочетание», а все, что мы слышим или не слышим в слове, от музыки и звукоподражания до смысла. Слово несет на себе многое» [2, с. 197]; «звук для Аристотеля – весть, и человек слышит эту весть; звук значим; слово, требуя отклик, получает отклик; все звучащее – весть; «между вестью и движением души – символическое отношение, т.е. обоим не хватает друг друга. Они должны... соединиться в целом. То, ради чего обе половины, слово-весть и движение души, уже не язык и не речь. Цель осуществляется через них, оправдывая себя...» [2, с. 197]. У Аристотеля весть и движение души способны возникнуть лишь как целое, не как сумма частей, но как единство, как «цель стремления».

Что же представляет собой слово? Под словом понимается слог либо совокупность слогов, используемых для обозначения понятия, представления, предмета. Слово является объектом исследования многих наук. В проблемном поле семантики изучается значение слова, в то время как значение близких в смысловом отношении слов изучается синонимикой, а происхождение слов – этимологией. Слово, являясь лексической единицей языка, представляет собой Знак. Ф. де Соссюр говорил о произвольной природе слова-знака, когда в «Курсе общей лингвистики» отмечал, что понятие «произвольный» означает как немотивированность знака по отношению к обозначаемому, так и (и прежде всего!) отсутствие между ними естественной связи [3]. О произвольности, немотивированности слова-знака говорит и явление, называемое в греческом языке «ономатопея» (в противном случае, в случае обязательной, необходимой связи ономатопеи в различных языках были бы одинаковы). Слово в знаковой системе языка «символизирует мыслительный акт» (Аристотель), «отражает идею» (Дж. Локк). Для обозначения знаковой ситуации Ф. де Соссюром введен и термин «signifier-signified», – «знак-обозначаемое». Нами даны интерпретации термина «слово», предлагаемые М. Фасмером и Д.Н. Ушаковым. Так М. Фасмер, занимающийся этимологией этого термина (его Этимологический словарь русского языка непревзойден по глубине этимологических параллелей, – эти параллели основаны на 200 языках), видит в нем заимствования из ряда славянских языков и преобладающим значением считает «зов, имя». Д.Н. Ушаковым в Толковом словаре русского языка доминирующим значением термина «слово» является единица речи, представляющая собой звуковое выражение отдельного предмета мысли. Опыт, будучи воспринят, с неизбежностью приходит к своему вербаль-

ному выражению, слово является одной из компонент вербального выражения. Это связующее звено между предметом и сознанием, слово – произносимая сущность предмета.

К. Бюлер, автор полифункциональной концепции языка, в числе функций языка называет выражение (обнаружение), воздействие (оно достижимо посредством призыва, сообщения), наконец, функцию отнесенности к предмету (называние, именованье). К. Бюлер пишет о говорящем как об обращенном к себе (интроекция) субъекте или к респонденту (адресату) сообщения. Слово, произносимое или воспринимаемое, подвержено интерпретации, в силу того, что важным является то обстоятельство, что слово должно быть понято, и понято в том смысле, который придает слову его употребляющий. Именно посредством слова, благодаря слову представление о предмете или явлении превращено в знак мыслимого. Работая на стыке философии и лингвистики, К. Бюлер, обращаясь к проблеме знаковой природы языка, использует совокупность аксиом. Первая аксиома названа К. Бюлером «модель языка как органа», с позиции этой аксиомы языковой знак интерпретирован в качестве инструмента; с помощью этого инструмента осуществляется сообщение. В речевой ситуации принимают участие говорящий, слушающий, объект. В данной речевой ситуации знак выполняет такие функции, как функции символа, симптома, наконец, функции сигнала. Как объясняет эти функции К. Бюлер? Знак – это сигнал (он апеллирован к слушателю), это символ (он соотнесен с предметом), наконец, это симптом (знак зависим от отправителя). В основу второй аксиомы положен так называемый заместительный принцип (знак использован вместо предмета, действия). К. Бюлер полагал, что в случае, если знаком носителем смысла является чувственно воспринимаемая вещь, то с той семантической функцией, которую она выполняет, не следует связывать все ее конкретные свойства; функционирование ее как знака должно быть релевантно «абстрактному моменту» («принцип абстрактной релевантности»). Третья аксиома содержит в себе «схему четырех полей», в пространстве этой схемы язык представлен как речевой акт, речевое действие, языковое произведение, наконец, как языковая структура. При этом «речевые акты» интерпретируются К. Бюлером как «смыслоопределяющие акты» Э. Гуссерля. Наконец, четвертая аксиома базируется на представлении о языке как о той системе, которая в качестве коррелятов содержит в себе такие элементы структуры, как слова и предложения. Эта система ориентирована на два действия – выбор слов, а также формирование посредством этих слов предложений.

В 1966 году вышла в свет работа М. Фуко «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», воспринятая как манифест французского

структурализма (хотя сам М. Фуко не относил себя к этому течению). Примечательно, что в творчестве М. Фуко с достаточной наглядностью представлены такие этапы, как этап «археологии знания», «генеалогии власти знания», наконец, этап «эстетики существования» (включающий «техники работы над собой»). Хронологически эти этапы достаточно автономны, хотя и позволяют наблюдать в своем проблемном поле некоторое сосуществование таких идей, как идеи «археологические» и идеи «генеалогические». Если второй и третий этапы датированы, соответственно, 1970–1980 годами, то этап «археологии знания» должен быть отнесен к шестидесятым годам XX века. Именно в этот период М. Фуко написаны работы «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963 г.), «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966 г.), «Археология знания» (1969 г.). В работе «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» М. Фуко использован термин «эпистема», необходимый для того, чтобы обозначить «срезы познавательной почвы в европейской культуре Нового времени» (термин Н.С. Автономовой, особый тип знаковой связи, особый тип соотношения слов и вещей). В числе этих эпистем М. Фуко выделены такие эпистемы, как ренессансная, эпистема классического рационализма, наконец, эпистема современная. Первая из этого ряда эпистем датируется М. Фуко XVI веком, вторая – XVII–XVIII веками (эпистема классического рационализма) и концом XVIII века датирована эпистема современная. И в то время как ренессансная эпистема базируется на тождестве слов и вещей, в эпистеме XVII–XVIII веков (классический рационализм) не существует принятия связи слов и вещей, эта связь опосредована мышлением. На стадии современной эпистемы посредник в системе «слова и вещи» – «труд», «жизнь», «язык». Это три среза познавательной почвы европейской культуры. Каждому из этих срезов соответствует смысловая наполненность слова: слово-символ, слово-образ, наконец, слово-знак.

И хотя «Слова и вещи» произвели фурор, основания и принципы смены эпистем не были до конца осознаны и приняты научным сообществом. И уже в работе «Археология знания», написанной тремя годами позже, М. Фуко использует понятия дискурсивных и недискурсивных практик, что говорило о формировании на материале социологии и лингвистики идей дискурсивного анализа (см. об этом «Порядок речи» (1971 г.).

Итак, слово – особый тип знаковой связи. Эта особенность слова как типа знаковой связи заключена в следующем. Традиционно, как отмечалось выше, в классификации Ч. Пирса названы такие типы знака, как икона, символ, индекс. Мы видим особенность слова как лингвистического знака в том, что в слове синкретически объединены понятие

и акустический образ. Являясь элементом языковой знаковой системы, слово бытийствует не автономно, но лишь через взаимодействие с другими знаками. И этим функционирование слова в знаковой системе отличается от функционирования таких знаков, как индекс, символ, икона. В свое время Ч. Моррис, развивая принципы, заложенные Ч. Пирсом в основание семиотического подхода к исследованию знаковых систем, писал о семиозисе как о процессе, одним из свойств которого является отсутствие одномерности. Семиозис проявляет себя в ряде измерений. Одно из этих измерений ориентировано на взаимоотношение знака с другими знаками, входящими в совокупную знаковую систему. Это взаимоотношение лежит в основании синтаксического измерения знака. Отношение знака и означаемого через используемый знак лежит в основании семантического измерения знака. Наконец, знаки используются теми, кто говорит, используются в речи. Это отношение знака к говорящему выступает в качестве прагматического измерения знака. Слово является языковым знаком. Мы полагаем, что определив существо языкового знака, с помощью этого определения можно осознать характер тех связей, которые лежат в основании связи языка и реальности. Это связь языка и мышления, языка и речи, языка и текста. В монографическом исследовании «Философия языка» А.Т. Кривоносовым отмечена такая особенность языкового знака, как его четырехуровневая структура: необходимым свойством знака выступает материальность знака (звуковая, графическая) (1); указанная материальность знака находит отражение в сознании в виде идеального образа, логической фонемы (2); термин «логическая фонема» введен А.Т. Кривоносовым [4, с. 23] для обозначения того уровня структуры знака, что предшествует следующему уровню: абстрактный, идеальный образ объекта как логического понятия (3); наконец, важным является и последний, четвертый уровень, специфика которого – в выявлении места познаваемых явлений в знаковой теории языка. «обозначая предмет с помощью словесных знаков, – пишет А.Т. Кривоносов, – субъект делает их информативными и превращает в средства мышления, познания, коммуникации. Выполняя указанные функции, языковые знаки и выступают в качестве фактора идеализации, внешних предметных операций, превращая их из материальных в идеальные операции, позволяющие схватывать объективное содержание» [4, с. 25]. При этом происходит свертывание внешней предметной деятельности, ее превращение в знаковую; сам же знак, по мысли А.Т. Кривоносова, – общественное отношение, скрываемое вещной оболочкой. Задаваясь вопросом о связи языка и реальности, полагает А.Т. Кривоносов, мы подразумеваем референта, описание которого и воплощает в себе главную функцию языка. Автор определяет

язык как материальные знаки для немозговой манифестации замысла мышления [4, с. 527]. А.Т. Кривоносову принадлежит идея о том, что на начальных этапах своего существования язык выполнял не только коммуникативную функцию, но и инструктивно-оперативную, связанную с ритуально-магической стороной человеческой жизни. Описательность, мышление, коммуникация, считает А.Т. Кривоносов, пришли вместе с десемантизацией знаков. Автор пишет о понятии «семантический идеализм»: поскольку язык есть инструмент отражения мира, то связь этого инструмента должна быть как-то сохранена. Часто одним словом обозначаются разные предметы, а один и тот же предмет – разными словами. Это создает иллюзию самостоятельности языка, его независимости от действительности. Семантический идеализм отрывает язык от мышления. А мышление от действительности. Они считают, что слова устанавливаются человеком произвольно и не обозначают ничего реального. На самом деле слова не устанавливаются произвольно, а закрепляются за определенными предметами в ходе познания. С другой стороны, слова обладают способностью отражать: значение слова есть отношение к денотату, следовательно, тем самым идеальное как результат отражательной деятельности мышления устраняется из языковой формы, так как реальными компонентами знаковой ситуации остаются лишь материя слова и денотат [4].

В чем специфика языка как знаковой системы? Традиционно знаковая система интерпретируется как система знаков, но не всяких, а лишь тех, которые работают, могут быть приведены в действие лишь по определенной совокупности правил. При этом знак использован для того, что имеется за пределами системы, сама же знаковая система работает, исходя из упомянутой совокупности правил. Ф. де Соссюр, как и Л. Витгенштейн, уподоблял язык как знаковую систему такой знаковой системе, как шахматы. Правила, в соответствии с которыми система проявляет себя, придаются системе исходя из соображений максимальной эффективности действия системы. А.Б. Соломоником отмечено специфичное преимущество знаковых систем: тогда, когда эти системы начинают функционировать по приданным или имманентно присутствующим им правилам, знаковые системы выводятся на иной уровень, переходя в новое состояние, обретая «новые относительные веса». Это происходит и в сфере языковой реальности, сложно функционирующей и перманентно обновляемой: «Его (языка – М.К.) знаки произвольны по форме, хотя и зависят от характера системы, связанной с голосом и произносительными возможностями человека. Если говорить о письменном языке, то и в нем ощущается влияние тех физических параметров, от которых зависит письмо: чем пишешь, на чем пишешь и как пишешь (техника

письма). Однако эти физические параметры системы дополняются правилами пользования языком, правилами, изменявшимися и совершенствовавшимися на протяжении веков. Совершенствование правил всегда имело целью наилучшее использование системы. Наконец, приведенная в действие языковая система каждый миг трансформируется в новое содержание, которое представляет те же знаки в новом качестве. Основное умение пользователей системы как раз в том и состоит, чтобы быстро оценить новые открывшиеся перед системой возможности и оптимально их использовать» [5, с. 29]. Правила, приводящие знаковую систему в действие, объясняющие знаковую систему, имеют характер метаязыка; к примеру, в языке как знаковой системе имеются словосочетания, предложения, тексты, синтагмы – эти сочетания знаков образованы посредством, к примеру, грамматики, а она – элемент метаязыка языковой знаковой системы. При этом основным свойством знака выступает его двойственная природа: знак принадлежит знаковой системе и находится с этой системой в отношении зависимости, одновременно он принадлежит и отражаемому посредством знака объекту, – в этой двойной подчиненности знака и проявляется основное свойство знака.

Список информационных источников

1. Мартынов В. Автоархеология. 1952–1972. – М.: Издательский дом «Классика - XXI», 2011. – 240 с.
2. Бибахин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007. – 389 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Кривоносов А.Т. Философия языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – 788 с.
5. Соломоник А.Б. Язык как знаковая система. - М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 224 с.